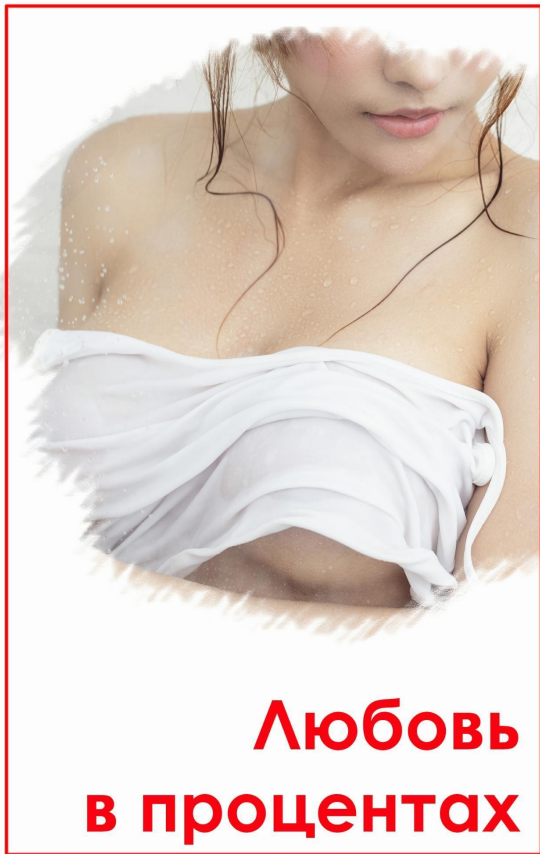

Елена Стриж

**Любовь
в процентах**

18+

Елена Стриж
Любовь в процентах
Серия «Секс. Любовь
в процентах», книга 5

<https://litres.ru/43369596>
SelfPub; 2022
ISBN 978-5-532-93072-8

Аннотация

Искусственные нервы, которые ученые прозвали «волшебной пылью», смогли изменить сексуальную жизнь Натальи. Это был эксперимент, и одно нажатие на кнопку взорвало ее изнутри. По другому пути пошла Мирна, наша балерина — маленькая коробочка и связь с секс партнером на другом конце страны. Не надо личной встречи, да и зачем, достаточно подключиться, и вот неограниченные сексуальные ощущения. Можно ли рассчитать любовь в цифрах? А что, если записать эмоции любви, а спустя десятилетия, когда любовь угасла, опять их перезаписать? А что, если блокировать в памяти моменты расставания? А возможна ли виртуальная любовь? И это уже не фантазия автора.

Содержание

Предисловие	4
Каникулы	6
1 Пощечина	6
2 Непристойное предложение	11
Сон	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Елена Стриж

Любовь в процентах

Предисловие

«Любовь есть единственная разумная деятельность человека» (Л. Н. Толстой)

Можно ли рассчитать любовь в цифрах? А что если записать эмоции любви, а спустя десятилетия, когда любовь угасла, их опять перезаписать? А что если блокировать в памяти моменты расставания? А возможна ли виртуальная любовь, секс? Это пока фантастика.

Шесть рассказов из книг «Проект Амброзия» и «Проект Лекси». Именно в них поднимаются непростые вопросы, что такое любовь в будущем.

Но сначала...

Каникулы – это приключение, игры, познания. Это первый поцелуй, прикосновения, пощечина и обида. Это время, когда юность не знает преград, когда хочется влюбиться и заглянуть в то, что же будет дальше.

Серия рассказов ведет читателей от девочки, что влюбилась в телевизионного кумира. От эротического сна, к поце-

луям, до сексуальных фантазий и...

Желаю приятного прочтения.

«Без любви жить легче, но без нее нет смысла» (Л. Н. Толстой)

Каникулы

1 Пощечина

Удар пощечины был такой сильный, что мою руку обожгло. Гнев взорвался во мне. Как при цепной реакции я стала неуправляемая, кричала на него, топала ногами. Хотелось еще раз захватить ему по самодовольной морде, ощутить его проигрыш. Я выше его, он не смеет обращаться со мной как с девчонкой, не позволю. Нет!

Я повернулась и быстро пошла от него. Спинай чувствовала его взгляд, недоумение, желание догнать меня, но он почему-то испугался. «Так тебе и надо», – думала я. Да, мечтала об этом поцелуе, даже грезила по вечерам, когда гас свет. Олег очень нравится, он уже повзрослел, глаза не глупого бычка, в них есть что-то глубокое. Но вот что? Даже не знаю, что и сказать, теряюсь.

Всю весну об этом только и думала, как встречу его, обниму, прижмусь и поцелую. Да, поцелую, мне этого хотелось, очень, это было, наверное, мое наваждение, поцелуй. Сколько раз я ощущала его во сне, сидя за партой, в автобусе, мечтала об этом, но не так. Он просто взял меня, сгреб своими лапищами, как будто я его девчонка, и прижался к моим губам. Я не смогла ничего сказать, просто не ожидала, а ведь что-то подобное представляла. Его действия никак не смогли уложиться в рамки моего приличия.

Я шла по деревне и плакала, мне этого не хотелось, уже жалела, что ударила его. Не могла понять, почему Олег так поступил, ведь я не давала ему повода. Почему? Ответа не было.

Я каждый год приезжаю в деревню, выросла здесь и училась до пятого класса, но отец уехал в город, и через полгода мы перебрались к нему. Я скучала по лесам, по кудахчущим курам, по воздуху, по друзьям, по своему дому. Олега я, наверное, полюбила еще в детстве. Это произошло как бы само собой, просто шла и вдруг почувствовала, что влюбилась

в него, ни в Вовку, ни в Сережку, ни в кого бы то ни было другого, а именно в Олега. Удивительно, почему? В своих тайных дневниках я писала о своем будущем парне, какой он будет. Получилось, что и половины нет, что было у Олега, не те волосы, не тот нос, глаза другого цвета, в общем, все не то. Но я влюбилась в него по самые уши и никому про это не говорила, это была моя тайна. В школе как дружили, так и продолжали дружить. Я тихо ревновала его к другим девчонкам, иногда дралась с ними по пустякам, никто этого не понимал, считали меня сумасшедшей, но причина была в нем.

Этот год тянулся для меня так долго, в следующем году я уезжаю вообще в другой город, поступаю в институт, и тогда все. Это лето так ждала, настроила себя, что буду с ним гулять, целоваться до потери сознания, обнимать его и мечтать. Но получилось все по-другому. Он не пришел, не встретил меня, не появился, ни на следующий день, ни через день. Только на третий, и сразу схватив меня, полез слюнявить своими губами. «Сволочь!» Это слово я твердила, пока шла до дома.

К вечеру полегчало, но не хотелось никого видеть. Приходил Серега, потом Вовка. Я сказала маме, чтобы не пускала их, не хочу. Две недели я буду в деревне, лучше уехать, зачем здесь сидеть. Слезы высохли, шмыгнув носом и согнувшись калачиком, я сладко заснула. А уже к утру решила, что мир не стоит на месте, что я своего добьюсь.

Видела сны, в них я летала, мое тело было открытым, чистым, обнаженным, сердце щемило. Я развела руки в стороны и воспарила над облаками. Туда, где солнце. Его лучи ласково коснулись моего лица и я заулыбалась.

2 Непристойное предложение

Не теряйте лучшие моменты в вашей жизни только потому... ..что вы не уверены.

– Привет. – Она хлопнула калиткой и вошла во двор. Он медленно повернулся и нехотя посмотрел в ее сторону. – Ты что такой кислый?

– Нормальный.

– А что тогда? – Она подбежала к нему вплотную и заглянула в глаза.

– Дед. – Сухо ответил юноша.

– Что дед?

– Трезвый.

– И что из того? – Удивилась девушка.

– Ворчит.

– А тебе какое до этого дело?

– Приказал навоз вытащить. – Ответил он и тяжело вздохнул.

– Ну и что из того? – Не унималась она и вертелась вокруг него.

– Что значит что? Это же работа до конца дня. За всю зиму не перетаскать. В прошлом году таскали с ним, дед после со спиной неделю маялся, а у меня ладони горели.

Она посмотрела ему в глаза, а после на ладони, что он держал перед собой. Ладони как ладони.

– Не поняла? – И пожала плечами.

– Я тогда пальцы не мог разогнуть. Как держали вилы, так и оставались скрюченными. – И, посмотрев в сторону хлева, добавил. – Лучше бы он пил.

– Да брось из-за этого так расстраиваться. Если не сего-

дня, то завтра сделаешь. Куда он денется, твой навоз?

– Да впрочем, некуда, это я так, просто планы сбил, а так я его люблю, правда ворчит не переставая.

И как будто дожидаясь этой фразы, из дома вышел дед. Для деда он был еще молодой, но скрюченный по дуге. Лицо сияло, невольно я улыбнулась ему в ответ:

– Доброе утро, дед Шура! – Доковыляв до нас, он уперся рукой в изгородь, посмотрел на меня, потом на Вовку и, как бы прочищая горло, рыкнул:

– Опять бездельничаем?

Я подождала, выждав паузу, весело сказала:

– Нет, что вы, дед Шур, я как раз пришла спасать Вовку от гибели и от скуки, он обещал показать лисью косу.

– А... – Многозначительно произнес он, – этаж вон где, – и мотнул своим небритым лицом куда-то в сторону элеватора, будто я знала, где это вообще.

– Ну дак мы пойдем? – Мне не хотелось откладывать наш маленький поход. К тому же, сегодня была отличная погода, а свой навоз Вовка может вытаскать, к примеру, завтра. Кстати, завтра я собиралась ехать с Ольгой, это моя подружка, в райцентр. Обычно один раз в неделю мы ездили с ней закупать сладости, а после целую неделю уплетали их. Вот завтра и настал тот день, когда наши запасы подошли к концу. – Ну, дед Шура, вы отпускаете Вовчика?

По его глазам было видно, что ему этого так не хочется. Он покряхтел, потом повернулся и пошел в огород. Ответа

я так и не дождалась.

– Ну вот видишь, – в этот раз я уже говорили Вовке, – он не против.

– Как же...

– Дед Шур! – Крикнула я вдогонку скрывающейся спины.
– Да что?

Его головы среди кустов не было видно, только вздрагивание листвы говорило о его месторасположении.

– Ладно, пусть идет. – И немного погодя, добавил. – Вовка, благодари Маринку, а то... – Что это «то», я так и не поняла. Но, наверное, что-то связанное с сегодняшним его заданием. И, повернувшись к Вовке, скомандовала:

– Бери, – я указала пальцем на сумку с полотенцем и водой, – и пошли, – а для пущей важности, чтобы подтолкнуть Вовку, добавила, – а то он сейчас передумает.

После этих слов мне пришлось быстро разворачиваться и буквально бегом идти за Вовкой.

Сегодня он обещал мне показать отмель у изгиба реки. Это была не наша река, поэтому придется пересечь часть леса и пахоты, и где-то уже там должна быть Пышма, так называется река. Я помню ее. Мы все время проезжаем ее на машине через мост, но это далеко от деревни, примерно километров тридцать. А вот Вовка говорит, что она не так далеко от нас пробегает, просто не все знают об этом.

Мы шли быстро, он все время ходит быстро. Куда так спешить? И все же, я не отставала и не задавала лишних вопро-

сов, просто шла и все.

– Слушай. Мы что, вот так и будем идти? – наконец не удержалась и спросила его.

– Да.

– И далеко?

– Да.

– А ключ проходить будем? – Это наш родник, я с детства его помню. Все время ломали голову, откуда берется вода и даже пытались как-то проверить палкой глубину отверстия, откуда она текла. Буквально через сорок сантиметров палка уперлась в землю. И миф о том, что если встанешь в центр ключа, то провалишься, был развеян.

– Да.

– Что да?

– Будем проходить.

– Слушай, а ты можешь говорить более развернуто. Ну, к примеру... – и тут я решила его поучить, как надо разговаривать с дамой.

– Слушай, прекрати мне читать нотации. Я веду, а ты идешь. – И, посмотрев мне в глаза добавил. – Согласна?

– Ну... – Его взгляд был холодным и злым, – а что ты такой злой, из-за деда что ли?

Он не ответил, но зато снизил темп своего шага, за что я, впрочем, была ему благодарна. Я не могла идти вот так быстро, да еще молча.

– Извини меня, ты можешь меня не слушать, но я не могу

идти в тишине.

– А ты послушай кузнечика, – почти на полуслове прервал он меня.

Я посмотрела по сторонам, как будто искала этого самого кузнечика.

– Зачем? Я что, не слышала его раньше?

– Ну послушай что-нибудь другое, подумай, помечтай, не приставай ко мне.

– Да никто к тебе и не пристаёт. Вот лучше скажи, как твой вездеход?

О, что тут началось. Из него полилось. Я знала, это его коронный номер, он над этим вездеходом трудится уже второй год. Однажды, как мне сказал Валерка, они с Вовкой лазили на машинный двор ночью, там в основном сейчас стоят списанные трактора, и вот там их застала сторожевая собачка. Ну собачка – не собачка, а достаточно большая псина. Их спасло только то, что она бегала на цепи, а цепь крепилась кольцом к толстой проволоке, а вот проволока тянулась вдоль всего ряда машин. В общем, Вовка после этого долго хромал, а его мать допытывалась, что это с ним. А я знаю, что они боялись идти к врачу. Уколычики в животик от бешенства, а тогда, глядишь, и инженер бы узнал об этом, а там и проблемами запахнет. Вот Вовка и прохромал на свой страх и риск целую неделю. Я об этом узнала вот недавно.

Из него лилось и лилось. Я уже знала, где и какие втулки, сколько он дизеля жрет, и почему именно «жрет», а не сжи-

гает. И кажется, этому не было ни конца, ни края.

– Стой! – Скомандовала я.

Он остановился.

– Что случилось?

– Я беру тайм-аут.

– Какой еще «аут»? – Его глаза непонимающе пялились на меня.

– В общем, перерыв.

Он усмехнулся.

– Понял. Тогда теперь ты, – и, не дождавшись, пока я что-нибудь придумаю, пошел дальше.

«Вот наглость», – подумала я, «если не про его железяки, дак значит все». Прижав к затылку свою соломенную шляпу, я бросилась вдогонку.

– Постой, что ты говорил насчет цепи?

Вовка резко остановился, и я чуть было не налетела на него. Он повернулся ко мне, посмотрел на меня, как накую-то букашку сквозь линзу. Я поняла, что сказала, наверное, что-то не так.

– Не пытайся говорить о том, что не понимаешь, – и тут же добавил. – Нет – значит нет!

– Что нет?

– Значит нет! – И медленно пошел.

– Не поняла, что нет?

– Трактора.

– Какого трактора?

– А о чем это я тебе все это время говорил? – И с иронией посмотрел на меня.

– Ну как же, о своем вездеходе.

– Вездеход был в прошлом году.

– Ну знаешь ли, за скоростью твоей мысли я не успеваю.

Откуда мне было знать, что он теперь у тебя называется трактор, а завтра ты его еще как-нибудь обзовешь. Он как стоял у тебя, так и стоит, – и, фыркнув, обогнала его и пошла спереди.

После мы сменили тему разговора. Коснулись учебы, но про нее не хотелось думать, уже скоро август, а там и школа. Перебрали все фильмы, что показывали в клубе, коснулись друзей, помыли им косточки. В общем, Вовка отошел и стал как обычно веселым собеседником.

Уже прошло больше двух часов, а мы все шли и шли. Вовка сказал, что еще час, и мы на месте. Да, теперь понимаю, почему туда никто из наших не ходит купаться, жутко далеко, а на велике по лесу не покатаешься.

– Слушай... – Начал было Вовка. – Я тут... – Он почесал затылок. – ...Да нет, глупость.

– Что именно? – Поинтересовалась я.

– Да нет, так, просто глупо об этом говорить, – и слегка ускорил шаг.

– Что ты хотел сказать? – Крикнула ему вслед.

– Нет, я же сказал, что это глупо.

– Что глупо, а что нет, решать мне, а ты говори.

– Слушай... – Он почесал себе нос. – Мы тут... в общем... не знаю...

– Прекрати мямлить, говори. – Мне жутко не понравился такой разговор, когда человек ходит вокруг да около, хочет, а не может решиться. – Ну же.

Он остановился. Посмотрел мне в глаза, потом его взгляд опустился, руки мяли сумку, что я дала ему нести, а после он повернулся и пошел дальше.

– Я не поняла, что ты сказал?

– Я ничего не говорил.

– Тогда скажи, а то я забыла язык жестов, – и, передразнивая его, начала вертеть пальцами как при субтитрах.

Он глубоко вздохнул и выпалил одной безостановочной фразой.

– Мы поспорили, что я смогу уговорить тебя сегодня раздеться до гола...

Он что-то еще говорил, но я стояла как вкопанная. Такой наглости я не ожидала от него. Вовка все шел и шел, и все говорил и говорил.

– Стой! – Крикнула ему в спину.

Он остановился. Втянув в плечи голову, как будто ожидая удара, медленно повернулся ко мне. Я быстрым шагом подошла к нему. Во мне все кипело. Такого оскорбительного отношения к себе я не ожидала ни от кого. Никогда не подавала повода для подобных мыслей. Мне хотелось выплеснуть ему в лицо все, что я думала про него и про тех, с кем он

спорил. Ярость во мне кипела так сильно, что будь он ближе ко мне метров на десять, я, наверное, вцепилась бы ему в волосы. Но подойдя к нему, не смогла сказать ни слова. Руки от негодования тряслись. Я отвернулась от него, закрыла глаза и начала считать до десяти, а потом еще и еще раз.

Спустя несколько минут я почувствовала свое тело. Сознание вернулось, мысли начали выстраиваться в логическую цепочку. Я услышала шум леса. Постояв еще какое-то время, открыла глаза и повернулась к нему.

Вовка сидел около сосны, у ног лежала моя сумка. Он сидел так, как будто ничего не произошло, как будто это не он сделал мне непристойное предложение. А что я вообще ожидала увидеть? Покаяние, склоненную в покорности голову? Нет, он сидел и рассматривал какую-то веточку.

– И?!... – Это был вопрос, ответ на который я так или иначе знала, но мне хотелось услышать извинение.

– Что?

– Что значит что?

Он встал, отряхнул с себя иголки. Делал это специально медленно, и это начало меня опять заводить.

– Извини, это глупо с моей стороны, я не хотел тебя обидеть...

– Глупо? – Начала было я. – Глупо...

– Я же извинился. Забудем. Я же не хотел. – Он потупил взгляд и теперь стоял передо мной как провинившийся ученик и мямлил в свое оправдание. Что мол это не он, что его

сбили с истинного пути, что он прилежный ученик, но не выучил урок... Дак хотел, но помешали, а потом учебники пропали, а потом пожар и он спасал бабушку из пламени, а потом, а потом...

Я стояла с гордо поднятой головой и вдруг представила себя со стороны. И мне стало смешно, и что это я вот так взбеленилась. Но мне хотелось его отчитать как провинившегося ученика. Получить свою порцию удовлетворения за то, что я имею над ним власть. Я говорила ему, а он кивал. В конце концов, насытившись своим превосходством, я скомандовала и пошла по пыльной дороге.

– Я им так и сказал, что ничего не получится.

Я остановилась и резко повернулась к нему.

– Кому сказал?

– Ну, им... – Он мялся, а стоит ли закладывать друзей. Мне все равно, кто они там, не они это сказали, а он.

– Объясни, что значит поспорили? – Мне самой стало любопытно, как это они могли спорить. Неужели они не знали меня? Спорить на меня.

– Ну это было в среду, они говорили о многом, – он специально избегал имен, – а потом они сказали, что ты неприступная крепость, а я возьми и ляпни, что нет, что у каждого есть своя трещина, только надо найти и расколоть орех.

– Что за орех?

– Ну, это так я сказал, для сравнения, я имел в виду, что к каждому можно найти подход. Вот так и сказал.

– И я так понимаю, они поймали тебя на слове, и ты пообещал?

– Нет, не пообещал, еще хуже, поспорил, что ты разденешься. – Он снова замялся. – Ну в общем... совсем.

– А тебе-то какая с этого выгода, что свидетели есть?

– Нет.

– Тогда в чем? Чем докажешь?

– Не знаю, не думал, – он постоял и пошел за мной.

– Не понимаю тебя. Как ты мог только такое подумать.

– Я же сказал, что это необдуманная глупость с моей стороны.

– И, однако, – не унималась я – ты это сказал, значит думал.

– Ну думал, – и, помолчав немного, добавил, – давай забудем об этом.

– И поэтому ты предложил мне пойти на твой пляж?

– Да, но и не только поэтому, я же сказал, что ничего не получится. А пляж, он просто красивый, там так тихо и такой песок. И нет пауков.

В конце концов я перестала его пытаться, и мы шли молча. Мой гнев прошел не так внезапно, как появился. Он волнами таял во мне. А потом мне стало любопытно, кто они, эти его спорщики. Я могла догадаться, но все же кто? Я обиделась на них на всех. И все же, это такое рискованное предложение. Я пыталась забыть, отвлечься на что-то иное, но мысли возвращались к сказанному «уговорить раздеться до гола...».

Однажды в пионерском лагере, когда мне было уже тринадцать лет, я случайно была свидетелем разговора парней из нашего отряда. В этот день, пятницу, у нас помывочный или, как его называли еще, «банный день», парни решили подсмотреть за нами через щель в потолке. Сама душевая располагалась в отдельно стоящем бараке, там был чердак. И когда мы шли в душ, я все всматривалась в чердачное окошко в надежде увидеть их. Тогда бы я не стала мыться. Девчонки визжали и плескались. Я отошла в угол и начала рассматривать в потолок. Он был обшит фанерой, кое-где она потрескалась и в них просвечивали доски. Могли они что-то увидеть сквозь них? Я не знаю. Постепенно девчонки уходили из душевой, и вот я осталась одна. Сидела раздетая на лавке и боялась пошевелиться. Вслушивалась, вдруг скрипнет потолок, но ничего подобного не происходило. Наверное, поэтому мне было так страшно. А после я встала, подошла к душу, намочила голову, и страх сам собой улетучился. Я была одна. Села на скамейку в самом центре душевой, а после легла спиной на нее и посмотрела на потолок. Там ли они? И есть ли кто там? А если есть, ну что же, пусть получают свое. Я вытянула ноги по струнке, положила ладони под голову и закрыла глаза. Слышала, как капает вода. Сперва был стыд. Мне казалось, что на меня пристально смотрят, разглядывают каждую складку на теле. Я боялась открыть глаза, а после почувствовала жжение в животе. Это произошло так быстро, что, открыв глаза, какое-то время не могла

понять, что случилось. А потом живот, он так сильно втянулся, что стало трудно дышать. Я бросилась в раздевалку, схватила полотенце и упала на пол. Жжение из живота опустилось вниз. В паху все закипело. Непроизвольно пальцы сжали редкие волосики на лобке. Я лихорадочно начала гладить себя в ложбинке. Чувствовала нестерпимый зуд, он где-то совсем рядом. До боли в сухожилиях я раздвинула ноги в стороны. Мои пальцы теребили губки, а потом... На что это было похоже? Можно ли вообще это описать. Как будто в одной точке собралась этот невыносимый, до истерики зуд. Пальцы все сильнее и сильнее терли маленький пяточек. Чувствовала боль, но не могла остановиться, а потом... Что-то вроде взрыва и вакуумная тишина.

Я сидела в раздевалке на голом полу, полотенце валялось рядом. Поднесла руки к лицу. Пальцы были мокрыми, они тряслись. Испытала что-то новое. Его можно назвать одним словом – «блаженство». Откинув голову назад, я закрыла глаза.

И почему мне вспомнился тот момент? Ах, да! Взгляд. Вот что мне не давало покоя. Вовка не смотрел на меня, он все время отворачивался, опускал глаза. Но стоило мне идти впереди него, как я начинала ощущать его взгляд на себе. Можно ли это ощущение с чем-то сравнить? Да, наверное. Самое подходящее сравнение – это солнечный зайчик, что пускают с помощью зеркала. Вы можете закрыть глаза, завязать их, если так будет удобнее, и встать в тень, и кто-ни-

будь пусть на вас направить солнечного зайчика. И вы сразу почувствуете его тепло. Вы будете мысленно следить за его движением, как он скользит по руке, касается спины... О черт! Вовка смотрит на мою попу. Я резко поворачиваюсь к нему, и он сразу опускает глаза. «Вот наглец», – думаю я и ускоряю шаг.

Мы вышли из леса, впереди до самого горизонта простиралось поле с пшеницей. Надо же, у нашего дома она такая высокая, а здесь чуть выше колен. Я шагала в сторону холма, так объяснил Вовка. За ним где-то должен быть овраг. В него надо спуститься, и поскольку по оврагу должен бежать ручей, по нему уже выйти к реке. Все просто, осталось только дойти до этого холма.

В голове как назойливая муха вертелись слова «уговорить раздеться до гола...». И все же, как он мог подумать об этом. Но больше меня интересовало то, что я могла об этом думать. Я хмыкнула, повернулась в сторону Вовки, он плелся за мной и пытался рукой сбивать колосья. Изредка поднимал свой взгляд в мою сторону и тут же опускал. Стыдно, то-то же.

Интересно, как это он себе представлял, что я вот так встану перед ним и разденусь? Тьфу ты, опять думаю об этом. И все же, что тогда? Он посмотрит и скажет, чтобы оделась. Какая глупость. Я резко остановилась и повернулась к Вовке, он тоже остановился.

– Раздевайся! – Скомандовала я, и только произнеся эти

слова, опомнилась, что сказала.

– Что? – Еле слышно спросил он.

– Ты ведь хотел, чтобы я разделась, вот и раздевайся. Посмотрим, какой ты храбрец.

Он стоял, опустив голову, косясь в мою сторону.

– Я отвернусь, чтобы тебе не было страшно.

– А мне и не страшно, – достаточно уверенно ответил он.

И, опустив сумку на землю, он начал снимать с себя рубашку. Я специально не стала отворачиваться. Было жуткое любопытство, как он это сделает, и сделает ли вообще. Однако, сняв рубашку, он начал расстегивать пуговицы на штанах. Я чувствовала, как ему хотелось взглянуть на меня и в то же время боялся это сделать. Он раздевался тяжело, через силу ломая в себе невидимую преграду. Вот он снял штаны, после посмотрел на меня и демонстративно спустил с себя плавки.

– Ну-ну, и что в тебе такого, одни кости да кожа.

Он действительно был худой. Я как-то раньше этого не замечала, даже живот был впалый. Но на фоне его тела так нагло выделялась эта волосатость ниже его пупа. Я старалась оторвать взгляд от этого зрелища, хотелось показать равнодушие, но не могла, как магнитом меня тянуло в его сторону.

– Ну ладно. Пошли, герой, – и, немного погодя, добавила, – мачо.

– Стой, а ты?

– Что я? – Не останавливаясь, спросила его.

– Как что? Я ведь разделся.

– Ну и что?

– Как что, а ты?

Я повернулась к нему.

– А я не обещала тебе этого.

– Но так нечестно! – Обижено возмутился он.

– О какой честности ты говоришь, кто первый начал, – и, не дожидаясь ответа, я побежала по полю.

Идти, наверное, еще километра два, но я не устала. От моего гнева не осталось и следа. Я шагала и все думала «угораздило же раздеться до гола...». И почему-то в этот момент я представила себя со стороны. Как стою посреди поля обнаженной, но теперь на меня уже смотрел Вовка, а я, опустив голову, покорно стояла. Внутри меня что-то зажгло, легкий зуд прошел по всему телу, захотелось растереть его, чтобы избавиться от этого ощущения. Оглянулась. Он шел за мной все так же раздетый, но как только заметил, что я смотрю на него, сразу же прикрыл свою волосатость штанами.

Я пошла дальше. Сейчас я уже не бежала. Я ждала, пока он догонит меня. Моя юбка была похожа на большой передник. Ткань просто обворачивалась по талии два раза и на длинной тесьме завязывалась. Я развязала узелок, сняла с себя юбку и, подождав, пока Вовка подойдет, отдала ее ему.

– И не надейся, многозначительно заявив, пошла дальше.

На мне был купальный костюм, папа как-то даже сказал, что «дерни за веревочку, дверь и откроется». Вот наглец, и он туда же. А говорил он про мой купальник. Он дей-

ствительно состоял из завязок. Трусики имели по краям два шнурка, стоило их развязать, как все, что меня прикрывало, могло просто упасть. Впрочем, так же была устроена и верхняя часть купальника. Я усмехнулась себе, как будто специально надела его.

Чем выше мы поднимались на холм, тем сильнее становился ветерок. Опять ощутила его взгляд на себе. Он буквально меня буравил, но это было приятное ощущение. Одной рукой я придерживала свою шляпку, а другой рукой вертела пальцами ту самую завязку на трусиках. Ощущение того, что я могла сейчас потянуть завязку и развязать узелок, давало мне представление, будто я иду по краю выступа. Боялась идти по краю, но идти надо было. Пальцы скользнули под ткань завязки. Вот мое тело, поверх завязки приличие, под ней бесстыдство.

Ветерок стих, то ли временно, то ли совсем. Сверху на мне была надета рубашка, я любила их носить, вот и сегодня не считала нужным изменить своей привычке. Я отпустила шляпку. Руки положила себе на бедра, нащупала кончики завязок... Внутри тела прошла волна. Сердце гулко стукнуло. Пальцы сами по себе, не слушая меня, как будто они были не мои, потянули завязки. Я почувствовала, как ткать трусиков ослабла. Руки сами сделали то, о чем я боялась думать. Они потянули уже болтающуюся ткань трусиков к груди. Я посмотрела на руки и не поверила себе. И тут этот предательский ветер. Я не успела привыкнуть к мысли, что на мне

нет трусиков, что их сама сняла, что еще полчаса назад я злилась на Вовку и вот теперь делаю все сама. И опять в голове всплыла фраза «уговорить раздеться до гола...».

Я шла как ни в чем не бывало. Ветерок поддувал, рубашка то раздувалась, то прилегала к телу, то просто повисала на мне. Всем своим телом чувствовала на себе Вовкин взгляд. Хотелось повернуться, взглянуть ему в глаза, но не могла. Теперь я боялась сама себя.

Поднявшись на холм, остановилась и посмотрела по сторонам. Впереди был лес, а за спиной тянулись поля и никакого шума от машин. Легкое жжение в груди. Сейчас я растегну пуговицы. Затем развяжу завязки на груди. И я буду обнаженной, как и хотел Вовка. Нет! Теперь этого хотела я. Мне хотелось, чтобы он смотрел на меня. Даже не просто смотрел, а пялился.

Я шагнула вперед, так легче. Спускаясь с холма, я растегивала пуговицу за пуговицей. Не снимая с плеч рубашки, развязала завязку. Глубоко вдохнула и опять это жжение где-то в груди. Ветер дул прямо мне в лицо. Я развела руки в стороны, как будто пыталась поймать воздушный поток для полета. Остановилась. Рубашка как парус надулась за спиной. Я пыталась справиться с собой. Удержать руки от того, чтобы не прикоснуться и не начать яростно. Нет! Бешено гладить себя между ног. И чем дольше я себя сдерживала, тем сильнее было это желание. Мне казалось, что теряю контроль над собой. Спина горела под его взглядом. Хотелось сделать что-

то непристойное. Звериная похоть скреблась во мне. Опустила руки и пошла. Не могла вот так стоять. Тяжело.

Я посмотрела на груди и не узнала их, они стали буквально треугольными. Тот самый зуд, он шел изнутри. Хотелось чесать, расчесать их, чтобы стало самой противно. Схватила грудь руками и с силой прижала к себе, но это не помогло. Я побежала. Задыхаясь, перешла на быстрый шаг. И тут я начала ее мять, просто мять, как тесто. Она была твердой. Хотелось еще и еще. Я с силой, что была во мне, сжала пальцы. Казалось, я сдерживаю плотину, которая вот-вот может обрушиться. Одна волна сменяла другую. Знала, что они кончатся, но выдержу ли я их натиск. Открыла широко рот и глубоко, как могла, вздохнула. Пальцы разжались. Грудь просела. На коже остались белые пятна. На моих глазах соски закруглились, стали гладкими и спокойными.

* * *

Странная она, все парни в нее втюрены, просто не признаются никому, но я-то знаю, что это так. А этот спор. Самый что ни на есть глупейшая наша выходка. Просто мы тем самым хотели показать свое равнодушие к ней. Она хорошая девчонка. Просто ни с кем конкретно не дружила. Это, наверное, бесило всех. И меня тоже. Кто-то сказал, что каждую девчонку можно охмурить. Кто-то не согласился, но в конечном счете сошлись во мнении, что и Екатерину мож-

но уломать. Чего ломать? Но моя глупая храбрость толкнула сказать, что девчонки готовы сбросить с себя все, лишь бы показать свое тело, но вот только боятся этого делать. Они знали, что я сегодня пойду с ней на косу, и заставили поспорить, что смогу уговорить Екатерину раздеться догола.

Глупо, все было глупо. Но вот она стоит в десяти метрах от меня совершенно обнаженная, и я ничего не могу поделать с собой. Она красивая, даже больше чем красивая. А ведь я не уговаривал ее, просто рассказал о споре. И несмотря на всю глупость ситуации, в душе я рад этому. Я вижу ее. Вижу то, что не видят другие. Я один могу на нее смотреть, от этого мое сердце так сильно бьется, что даже в глазах темнеет. Трясу головой, сбрасываю пелену с глаз, искры, вспышка, с трудом вижу все перед собой.

Впереди было чистое поле, которое посередине разрезал глубокий овраг, и кудрявые кусты росли по его краям. Странно. Поле разделено прямо посередине, и такой ровной линией, будто овраг специально сделали. Шагнул вперед. Екатерины не было видно, она, наверное, ушла к реке. Я чувствовал влажный запах от берега, а потом побежал.

Она сидела на корточках у реки, накинув на плечи рубашку и водила пальцем по песку. Я не стал подходить к ней, а сел чуть поодаль. Екатерина сидела почти не шевелясь, только волосы развивались по ветру. Дунул ветерок, ее шляпа слетела и упала рядом с ней, но она не обратила на это внимание, а продолжала сидеть и что-то писать на песке. Я встал.

Наверное, почувствовав мое приближение. Екатерина соскочила на ноги, носком ноги быстро стерла свои надписи и, повернувшись ко мне, сказала.

– Ну, что мы идем купаться?

Я замялся и кивнул головой. Она улыбнулась мне и, бросив рубашку на песок, пошла в воду. На ней был купальник. Как необычно смотреть на ее тело в купальнике, как будто она всю жизнь проходила голышом, а вот теперь надела его. Я так быстро свыкся с мыслью, что она обнажена, что вид купальника меня, наверное, больше шокировал, чем его отсутствие.

Она поплыла и на середине реки махнула мне рукой. Я оставил вещи там, где стоял и тоже пошел в воду. Песчаная коса была большой и пришлось достаточно долго идти по колену в воде.

– А ты ничего не забыл? – ее глаза прищурились.

И тут я спохватился, что так и не надел свои плавки. Что вот теперь стою перед ней и сверкаю своими прелестями. Реакция была моментальная – сперва руки, потом присел в воду, а потом понял, что какая разница, и встал.

– Ну если не ты, то я буду голым. – Помолчав немного, наверное, ждал ее реакции, добавил. – Ты не против?

– Нет, даже наоборот. – И, засмеявшись, снова бросилась вплавь, и я за ней.

День выдался чудным, он был безоблачным и таким теплым и спокойным. Мы возвращались домой уже поздно вечером. Появились первые звезды, хотелось есть и спать. В ногах чувствовалась усталость. Сверчки нас сопровождали буквально всю дорогу по деревне. Слышалось мычанье коров и кудахтанье засыпающих кур.

Я остановилась у дома, взяла кулек с вещами у Вовки и сказала:

– Я так понимаю, ты проспорил? – И внимательно посмотрела в его глаза.

Он вздохнул и ответил:

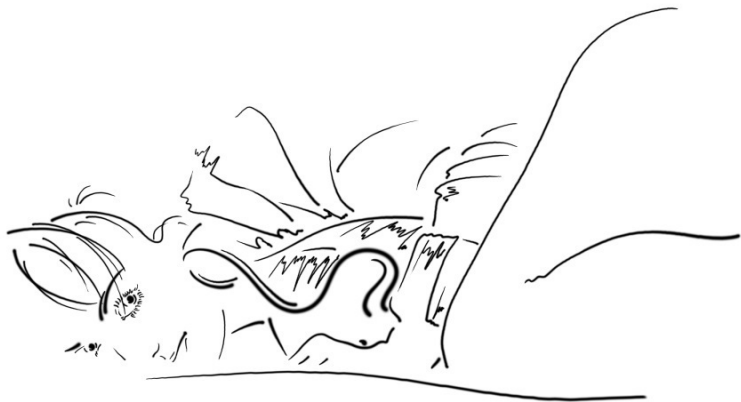
– Увы, мне нечем крыть карты, я в полном проигрыше, – и, улыбнувшись, добавил, – а жаль.

Наши желания порой не совпадают с реальностью. И наоборот – реальность не совпадает с желанием. Когда же стрелки наших желаний и реальности совпадают, что тогда происходит? Наверное, счастье. А может и что-то большее. У нас есть подсознание, оно диктует наши действия. Порой мы делаем совершенно необдуманные поступки и после никак не можем разобраться в этом. А почему мы сделали это? Что толкнуло нас на этот, так сказать, необдуманный шаг? Что? Подсознание берет верх над здравым смыслом. И в один прекрасный момент оно выходит из-под контроля.

Я лежала в постели и не могла уснуть. Хотела ли я понять, что меня заставило вот так поступить? Не знаю. Но я

знала точно, что в тот момент мне это очень нравилось. Это чувство переживания на грани падения. Ты висишь над пропастью, можешь сорваться, и падение будет сладким. Твои пальцы дрожат. Ты держишься и понимаешь, что еще не время падать. Есть время воспарить. Ты чувствуешь, как раскрываются твои крылья, как они звенят под лучами солнца. Ты медленно и неуклонно перерождаешься.

Сон

Сон был какой-то странный. Я открыла глаза и нерешительно посмотрела на будильник, еще 6:30. Так рано! Удивилась и тут же прикрыла веки. Что-то там было, что? В голове загудело. Будто ища выход, какая-то мысль заметалась и тут же растаяла. «Ой», – с сожалением сказала я и постаралась вспомнить свой сон. Руки, губы. Ах, почему-то прошептала про себя. Что это было? Опять открыла глаза, прищурилась, еще темно.

Сон какой-то странный, вот вроде бы тут, и уже нет. Старалась вспомнить, ну хоть что-то. Руки, руки, они такие теплые. Почему? Не то туман, не то дымка от костра, когда осенью жгут листву. Опять ночные воспоминания, вот они. Я напряглась, губы, и этот яркий теплый луч солнца. Что это? Зачем я себя спрашивала? Надо найти ответ, а что было дальше?

Опять закрыла глаза и сразу увидела листву, деревья и желтую бабочку, что пыталась сесть мне на коленку. Губы улыбнулись, чуть прищурилась от удовольствия и руки скользнули под одеяло. Тепло, так тепло, будто лежу в поле, там, где летом с Верой искали белые камушки, похожие на кристаллы.

Я вспомнила, что во сне чувствовала что-то очень необычное, этого еще не было со мной, но что? Что это было? Ой, тихо прошептала себе, и ладонь легла на живот. Что это? Опять губы, чьи они? Такие мягкие, такие нежные. Рука скользнула вверх, коснулась шеи и сразу подушечки пробежались по губам. Я вздрогнула и тут же улыбнулась. Приятно, так нежно, так спокойно и так... А что так? Опять это странное ощущение из моего сна.

Что там было дальше? Что? Но сон так быстро таял, что я уже не успевала ничего рассмотреть. Руки растворились. Подул слабый ветерок и образ ночного соблазна стал пропадать. «Ой», – с сожалением прошептала я, но сделать уже ничего не могла. Сон распадался, он уходил от меня. Еще

мгновение и все... Все... Ничего не осталось. Я пробовала вспомнить, что дальше, но... Совсем ничего, будто и не было, но... Я помню его, там что-то было такое, такое... «Ах», – опять прошептала я, пальчики, соскользнув с губ, пробежали по шее.

Открыла глаза, 6:31, уже? Возмутилась я, мне не хотелось вставать, не хотелось покидать свою кровать и свои воспоминания. Но о чем они? Я уже не знала, но помнила то состояние, что испытала. Как его описать? Я задумалась и, тут же закрыв глаза, постаралась вспомнить. Руки опять скользнули под одеяло, стало так уютно и так тепло. Я прогнулась, будто потягиваюсь и тут же сжалась, обхватив руками колени.

Ах, как это чудно. Пальчики играли, они пытались залезть под бесформенную футболку, что вчера утащила у папы, все равно он ее не носит, дырявая. В глазах плавал розовый туман, он убаюкивал, пел мне какие-то песни, но я не понимала их. «Ой», – прошептала про себя, когда пальчик коснулся груди. Да, точно, именно это я помню, это было во сне.

Я заулыбалась, опять потянулась, ладони легли на грудь и пошли вверх. М... Как это приятно. Как странно, почему? Этого никогда не было. Я опять провела ладонями по еле выступающей груди, и опять это странное, теплое, чуть щекочущее состояние. Пальчики пробежались от живота вниз и тут же обратно вверх. Казалось, что за ними бегают искорки, что покалывают меня. Чуть вздрогнула и опять пальчи-

ки. Ай, как это удивительно, я раньше этого не чувствовала.

Отчего-то сердце гулко стукнуло, будто барабан. Я резко открыла глаза, моргнула, но реальность мне не понравилась и опять закрыла их. Розовый туман кружился вокруг меня. Он касался моих ног, шеи, плеч. Я крутилась на месте, будто висела в воздухе, хотелось, чтобы он коснулся спины. В ногах защекотало, дернула ими, будто сбрасываю покрывало. Опять улыбка. Что со мной?

Я вспомнила эту ласку, что окружала меня во сне. Но почему? Пальчики бегали по телу, будто что-то искали. Тепло, еще теплее, ой, холодно, и они тут же возвращались обратно. Что-то знакомое, оно вот тут совсем рядом. Рука легла на живот. Я тяжело дышала, почувствовала биение сердца, замерла и вот опять. Рука ушла вверх.

Мне казалось, что я стою над обрывом, теплый воздух дует мне в лицо, и чьи-то ладони, плотно прижимаясь ко мне, поднимаются вверх. Я вздрогнула, еще плотнее закуталась в одеяло. Теперь меня никто не видит, и пальчики тихо устремились вверх. Ох... Слабый выдох в тот самый момент, когда они коснулись ягодки, что еще не созрела.

Что это было? Как-то все странно, но так тепло и спокойно. В груди что-то затрепыхалось, будто бабочка, что я поймала и закрыла ладонями. Ой... Опять дернулась. Палец снова коснулся соска, и эта сладкая истома прошла по спине, заставляя вытянуть ноги. Ах... Тихо шепчу сама себе и снова касаюсь то одной, то другой ягодки. Не то щекотка,

не то слабый зуд. Прижала ладонь, не дышу, чувствую, как сердце бьется, совсем рядом, оно вот тут. От удивления открываю глаза и стараюсь понять, что происходит.

Сон давно уже растворился, я даже не знаю, про что он был, но эти ощущения, они точно из ночных видений. Зарываюсь с головой под одеяло, тяжело дышу, жарко, но именно этого я и хочу. Пальчики играют, кажется, они, знают, что делать. В груди покалывает, искорки как от костра разлетаются по всему телу. Я дрожу не то от холода, не то от палящего жара, что где-то там внутри меня начал полыхать.

Пальцы как угри скользят вниз и уходят куда-то меду ног. Замираю, чего-то жду, боюсь выдохнуть. Оно тут, чуть касаюсь пальчиком и сразу слабый укол. Вздрагиваю, но руку не убираю. Снова касаюсь и опять укол. Тяжелый и протяжный выдох. «Ах...» – Произношу я, и становится совсем жарко. Пальчик бежит дальше, искорки следуют за ним, вздрагиваю и, тут же улыбнувшись, открываю рот.

Мне не хватает воздуха, я задыхаюсь. Отбрасываю одеяло. Сон, это было там. Рука резко опускается, и ладонь скользит от провалившегося живота вниз и тут... Мягкие волосы, пальчик вытягивается и касается гребешка. «Ой...» – Шепчу сама себе и как можно сильнее жмурю глаза. Пальчик дергается. «Ой...» – Повторяю опять и снова эти воспоминания из сна.

Очень необычное ощущение, будто откинула шторы, и тебя коснулся летний луч света. Тепло, очень тело. Нет, даже

горячо, ужасно горячо. Обжигает. Горит. Больно. «Ой...» – Почти вскрикиваю. «Больно, больно...» – Шепчу и все сильнее прижимаю пальчик к пылающему гребешку.

Сон давно уже ушел, все растаяло, будто и не было. На часах 6:58. Рука тянется к будильнику, чтобы отключить его, но на полпути замирает и безвольно падает на одеяло. Почему-то мне ужасно хорошо. Это странное состояние. Что это было? Пробую вспомнить, но мысли обессилили и, также как и рука, не хотят шевелиться. Ну и ладно, говорю себе и, еще раз закрыв глаза на минутку, ухожу в прошлое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.